

Март 1983 года... В Вене непривычно холодно, ну прямо настоящие российские морозы. Через несколько месяцев согласно заключенному контракту в Западную Европу, в том числе в Австрию, начнет поступать газ из СССР. Этого события с большим нетерпением ожидает человек, ютящийся в маленькой квартирке на Вильгельм-штрассе.

— Платить тысячу шиллингов в месяц за отопление я был не в состоянии. По городу шли слухи: пойдет советский газ — и плата снизится. Зря надеялись! Хозяин дома, где я проживал, наоборот, резко взвинтил цену. Я был просто в отчаянии: что делать, где взять деньги? Хорошо, что удалось подработать садовником...

В руке у сидящего передо мной в номере гостиницы «Россия» мужчины пятидесяти с лишним лет тлеет сигарета. Он нервным жестом тушит ее и тут же тянется за новой. Это Юрий Знаменский, бывший театральный режиссер. Восемь

# Восемь лет одиночества

лет прожил он на чужбине в столице Австрии. Теперь ему разрешено вернуться на Родину.

Когда-то он работал в труппах в Тбилиси и Ленинграде. «Настоящей, интересной работы не было, казалось, что меня незаслуженно обходили вниманием, чувствовал себя без дела, никому не нужным», — вспоминает он не без доли упрека в голосе. Что ж, действительно не все гладко шло у нас в театральном деле, было и много таких, как он, незадачливых режиссеров без спектаклей. Но почему-то выход из всех обид и превратностей судьбы Знаменский увидел только один — в эмиграции.

Нет, он не нашел в Австрии интересной, хорошо оплачиваемой работы, о которой мечтал. Не нашел и профессиональной известности, к которой

всегда стремился. Он вообще не нашел творчества как такового. Зато узнал, что это такое — скитаться в поисках постоянного заработка, в страхе за завтрашний день судорожно подсчитывать каждый шиллинг. За восемь лет только однажды побывал в театре. Он узнал, что значит жить среди людей с совершенно иной психологией и иным отношением к культуре. Он узнал, что значит быть эмигрантом в стране, где в последнее время резко активизировались неонацистские группировки: «Аусландер — аус!» — «Иностранцы — вон!» — крупным шрифтом напечатано на прямоугольных карточках, которые подкладывали чуть ли не ежедневно под дверь его квартиры. Ему угрожали расправой за отказ сотрудничать с антисоветскими эмигрантскими организациями.

— Будете в Вене, загляните на «толкучку» — они все там, — отвечает Ю. Знаменский на мою просьбу рассказать о довольно многочисленной венской колонии «бывших». — Торгуют чем попало. За лишний шиллинг готовы самих себя продать с потрохами. В голове — только деньги, фантазматическая дилемма! Это называется — «прижились». На Западе иначе нельзя — пропадешь!

Интеллигенция? Люди творчества? Были такие. Большинство маялось, как я. Работу получали патологические антисоветчики, не брезговавшие ничем. Согласен работать на австрийскую или западногерманскую разведку, на подрывные спецслужбы — будешь материально обеспечен. Сделаешь публичное антисоветское заявление — организуют тебе рекламу, устроят даже на работу

в театр. А не желаешь пачкать руки — так катись к черту.

Ю. Знаменский поглядывает на часы. Ему пора на Курский вокзал: едет к родственникам в Тбилиси. Надеется начать новую жизнь, быть полезным обществу. «А вы, простите, каким родом творчества изволите заниматься?» — спрашивает меня напоследок. — Просто журналист? Ну что ж, в вашем деле главное — все хорошенько проанализировать...».

«Хорошенько проанализировать». Жаль, что восемь лет назад он не сказал того же самому себе.

Б. ЮНАНОВ.

Постскриптум. Через несколько дней после нашей встречи с Ю. Знаменским в аэропорту «Шереметьево» приземлился

самолет рейсом из Нью-Йорка, на борту которого находились несколько десятков бывших советских граждан, возвращавшихся на Родину. Были среди них и люди творческих профессий — музыканты, художники, артисты. С болью в голосе говорили они представителям прессы о совершенной когда-то тяжелой жизненной ошибке, за которую пришлось расплачиваться годами мучительного прозябания на чужбине. На собственном опыте познали они: широко разрекламированная «свобода творчества» в Америке — не более чем миф, приманка, сработанные буржуазной пропагандой. И никак не могли эти люди усвоить одно право, дарованное американским обществом, — право, продав свою совесть и профессиональное достоинство, делать деньги любым путем.

Безрадостные судьбы, горькое прозрение... Поздно оно наступило. Но это все же лучше, чем никогда.